

УДК 321.7+323.3

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник отдела философии
Учреждения Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург lfishman@yandex.ru

АРИСТОКРАТИЧЕСКОЕ В ДЕМОКРАТИИ¹

Статья посвящена сравнительному анализу критериев достойного власти человека в эпоху античной демократии и демократий периода после второй мировой войны. Исследовано, что в своей основе этот аристократический список достоинств известен еще со времен античности, а его усеченная либеральная версия XIX в. лишь дополнена до изначального содержания в период мировых войн.

Аристократия, демократия, либеральный парламентаризм, сословный этос.

Понятия аристократии и демократии берут свое начало в античности, причем именно с этих времен считается, что они представляют собой понятия антагонистические, исключают друг друга и в теории, и на практике. Аристократия – власть явного меньшинства «лучших», демократия – власть значительно большей части населения, нами обычно принимаемой за эквивалент «народа» в европейской традиции. Общеизвестно, что античный демос – это не совсем «народ» в привычном понимании, и даже не большинство населения полиса. Тем не менее власть демоса часто представляется противоположной «по духу» власти аристократии. Кроме того, есть немалые основания полагать, что так и было на практике – недаром соперничество аристократов и демократов в Древней Греции часто приобретало характер кровавых столкновений, особенно в период Пелопонесских войн.

В то же время ситуация представляется гораздо более сложной. Есть основания для суждений и абсолютно противоположного характера. Так, радикальную точку зрения на тождество аристократии и демократии в античности выражает Р. Махмудов: «Совмещение гражданских прав и военной ответственности говорит о том, что право быть полноправным и свободным гражданином полиса

---

¹ Работа выполнена по проекту Отделения общественных наук РАН «Трансформация институтов гражданского общества в современном мире: политико-правовые проблемы».

напрямую зависело от готовности гражданина рисковать собственной жизнью ради интересов своего государства ... Естественно, что для проведения в жизнь подобного принципа необходим был особый склад личности, осознанно понимающей, что только она, а не кто-то другой, ответственна за судьбу полиса и сограждан. Причем понимание ответственности не ограничивается только полем битвы, оно касается всех сфер жизнедеятельности полиса ... Приведенное определение свободного и ответственного гражданина полиса полностью совпадает с определением аристократа. По сути, это один и тот же тип человека. Отсюда следует, что истинная демократия и есть власть аристократов, а импульс политической борьбе в Древней Греции против аристократов был вызван стремлением оттеснить от власти людей, не являющихся носителями внутренней свободы и вечных этических принципов, и связавших свое право на власть с происхождением и наличием материальных благ» [2].

Неоднократно отмечалось, что античная демократия унаследовала от аристократии слишком многое именно в сфере ценностей, чтобы усомниться в возможности считать аристократию и демократию антагонистами. Представление о равенстве, о следовании закону и др. – именно то, на что обращают внимание, когда говорят об аристократическом наследии демократии. Античная демократия, как известно, возникла, когда на поле боя вышли фаланги гоплитов-фермеров. Но именно аристократы первыми начали строиться в фалангу. Демократия поддерживала в гражданах дух соревновательности, но это был аристократический дух.

Для нас принципиально следующее фундаментальное сходство между аристократией и демократией, которое настолько бросается в глаза, что его, как правило, не замечают. И аристократия и демократия подразумевают право на участие во власти, обеспеченное прежде всего силой, причем грубой силой, военной, не «мягкой» и опосредованной религиозным авторитетом или богатством, как в иных формах правления. Действительно, корень «кратос» присутствует лишь в словах «демократия» и «аристократия» (плюс еще мифическая «охлократия», означая власть-силу). Другие виды режимов (монархия, олигархия) подразумевают иные способы легитимации власти.

Итак, между демократией и аристократией существует фундаментальное сходство в том, что право на власть в них проистекает прежде всего из факта обладания вооруженной силой. В конце концов, архаические политические режимы Эллады имели источником происхождения не вполне еще забытую «военную демократию», в рамках которой не было различия между аристократией и демосом, но был общий критерий, которому надо было соответствовать, дабы участвовать во власти. Не богатство и не религиозный авторитет (хотя и это очень важно) никогда не давали право на власть. Также не давали его и какие-либо абстрактные «права человека». Антич-

ность их и не знала вплоть до времен Римской империи, а когда узнала, то демократии уже не существовало в природе.

Как отмечает И.Е. Суриков, «не следует преувеличивать обособленность греческой аристократии от демоса, ее «исключительность»; она ни в коей мере не была какой-то «кастой» [6, с. 59]. В действительности «средняя» античная аристократия и такая же умеренная демократия довольно сильно похожи. Они обе представляют собой правление относительно небольших групп населения, опирающихся на обладание вооруженной силой, приверженных ценности внутрисословного равенства (все равно – сословие это аристократии или сословие зажиточных гоплитов-фермеров, «демоса»), считающих, что свободному человеку необходим досуг, освобождение от физического труда для занятий общественными делами. Если же мы обратимся к афинской демократии периода ее расцвета, когда номинально власть была уже не столько у гоплитов-фермеров, сколько у матросов и боцманов, то заметим ее удивительное сходство с аристократией спартанского типа. Со времен аристократа (и лаконофила) Кимона, который начал сажать граждан на корабли и приучил их вооруженной силой властвовать над союзниками, афинский демос занял по отношению к союзникам положение, сходное с тем, какое имели спартиаты в отношении илотов и периеков. (Плутарх пишет о Кимоне: «Афинян он сажал по очереди толпами на корабли и, приучая их к лишениям военной службы, вскоре вследствие жалованья и денег, вносимых союзниками, сделал их господами давальцев. Афиняне не расставались с морем, всегда были вооружены, кормили сами себя и становились хорошими солдатами, поэтому уклонявшиеся от военной службы союзники приучились бояться их, льстить им и незаметно превратились в их подданных и рабов» [4, с. 569].) Таким образом, демос ощутил себя своего рода коллективной аристократией. Очень показательным в связи с этим, что спустя много лет после Кимона это ощущение настолько въелось в афинян, что их послы аргументируют свое владычество над союзниками совершенно по-аристократически: помимо выгоды, правом силы и честью:

«...в нашем поведении нет ничего странного или противоестественного, коль скоро предложенную нам власть мы приняли и не выпускаем ее из рук под влиянием трех могущественнейших стимулов: чести, страха и выгоды. ...не мы первые ввели такой порядок, а он существует искони, именно что более слабый сдерживается более сильным» [8, с. 60-61].

В речах умеренного Перикла и демагога Клеона как только речь заходит на эту тему, начинают звучать одни и те же силовые аргументы, только у второго – цинично, у первого – дипломатичней и сглаженной. Так, Перикл говорит: «Отрекаться от власти вам нельзя, хотя иные из страха и праздности разыгрывают теперь роль

честных людей; ведь власть ваша имеет уже вид тирании; захватить ее считается несправедливостью, отказаться от нее опасно. ... Что нас в настоящее время ненавидят и тяготятся нами, это общая участь всех, которые изъявили притязание господствовать над другими» [8, с. 110]. Несколькими годами позже ему вторит Клеон: «Вы не считаетесь с тем, что ваше владычество есть тирания, что союзники ваши питают враждебные замыслы и неохотно терпят вашу власть. Они слушаются вас не потому, что вы делаете им добро и тем вредите себе, но скорее потому, что вы превосходите их могуществом и никакой роли не играет тут их расположение к вам» [8, с. 141].

Здесь мы сталкиваемся с некоторыми неэгалитарными чертами демократического этоса, также имеющими аристократическое происхождение. Демократический коллектив граждан, по-видимому, нуждается в чувстве превосходства над какими-то иными социальными группами и даже целыми народами; пусть даже это превосходство принимает в общем безобидную форму легкого презрения к «варварам», не созревшим для демократии и цивилизации. По крайней мере этосу как античных демократий, так и демократий (или демократизирующихся режимов) Нового времени присущ ряд принципиально неэгалитарных черт, которые в теории противоречат «либеральной» традиции, но постоянно воспроизводятся на практике.

В античных демократиях, как уже было сказано, воспроизводятся аристократические представления о том, что править и вообще считаться гражданами должны не всякие, а лучшие, люди «хорошего» происхождения, зачастую от героев и богов. Гражданский коллектив полиса не спешит включать в себя новых членов. В Афинах при Перикле вообще был принят закон, фактически закрывший доступ к гражданству всем, кто не имел родителями афинян. Сам этот демократический коллектив пронизан чувством превосходства над теми, кем он правит; над теми же, кем он не правит, он ощущает культурное превосходство, ибо Афины – «школа Эллады».

В Новое время страна, ставшая для остального мира образцом демократии, Америка, продемонстрировала также и весьма устойчивое сочетание различного рода неэгалитарных интеллектуальных (шире – культурных) традиций с традициями либерализма и демократии. В Америке не было, как в Европе, долгой традиции развития в рамках феодальных институтов; казалось бы, неоткуда было взяться аристократии и соответственно аристократическому этосу с его духом превосходства лучших над худшими. Тем не менее с самого начала становления американской демократии ее уже получившие права белые имущие граждане были пронизаны чувством почти аристократического превосходства. Как пишет Р. Смит, «многие американцы, не входившие в элиту, чувствовали, что традиционные национальные структуры наследственной иерархии и врожденной судьбы придают им некую социальную значимость, а вместе

с ней материальные и политические выгоды» [5, с. 414-424]. Прежде всего средний белый американец чувствовал свое превосходство над представителями иных рас, этнических групп, над женщинами и т.д. Даже когда права темнокожих были закреплены конституционно, «американцы создали новые системы расового неравенства, касающиеся не только темнокожего, но и прочего небелого населения» [5, с. 418].

Подводя промежуточный итог, отметим, что введение радикальной демократии в Афинах, которую мы выше сравнивали с аристократией, было следствием довольно решительного разрыва с прежней традицией умеренных реформ в солоновском духе. До определенного момента, начиная с реформ Солона, расширение прав и аргументация этого расширения были, так сказать, экономическими, в соответствии с имущественным цензом. Малоимущим были даны некоторые правовые гарантии, право участия в судах, но не более. Скачок происходит перед войной с персами и после нее, когда Афины обзаводятся огромным флотом, что ведет к росту значения демоса. Произошла ли бы демократизация вне этого военного исторического контекста? Скорее нет чем да, ибо мирное процветание в Элладе всегда было благоприятно для сохранения умеренных полисных демократий и олигархий. Военная необходимость ускорила процесс расширения контингента полноправных граждан и стала причиной превращения умеренной демократии (если не олигархии) в радикальную.

Но эта радикальная демократия была в значительной мере «аристократической», и поэтому нередки высказывания на тему, что афинская демократия являла собой строй, в котором аристократия постепенно поднимала демос до своего культурного уровня. Кроме того, правила долгое время полисом фактически аристократия, которой доставалось большинство должностей. Аристократы были необходимы демократии также и для соблюдения религиозных процедур. В сущности только здесь на первое место выходил вопрос о происхождении того или иного рода от богов и героев. Не имевшие такого происхождения не могли приносить жертвоприношений.

Аристократические ценности и традиции, пропитавшие все стороны жизни полиса, оказались неискоренимыми. Демократические полисы одновременно были аристократическими и по этосу, и по внутреннему духу. При демократии господствовали некоторые ключевые концепции аристократической идеологии: вера в наследственность человеческих качеств и способностей, своеобразный «республиканизм» (тоже аристократический принцип, утвердившийся после победы знати над басилеями), определенная шкала норм «джентльменского поведения», включавшая в себя, в частности, негативное отношение к любому физическому труду, кроме земледельческого и т.д. В итоге «аристократические ценности ...

как бы распространились на весь гражданский коллектив, на весь демос» [6, с. 231-232].

Если в античности процесс демократизации был тесно связан с признанием права на власть новой группы населения (демоса), который, как и аристократы, приобрел военное значение, то в европейской истории процесс, называемый часто тем же словом «демократизация», имел иной характер. Политические права постепенно распространялись на ранее неполноправные группы населения по принципу включения слоев, достигших определенного образовательного и имущественного уровня. Это мало чем отличалось от той практики постепенного учета прав все большей части населения, которая имела в тех же Афинах со времен Солона и до греко-персидских войн. Отличие заключалось в том, что античность не знала постепенного расширения политического *представительства* разных слоев населения в соответствующих политических институтах; в Европе же и США вплоть до начала XX в. шло именно такое расширение. Между тем расширение представительства еще отнюдь не тождественно демократизации, если, конечно, не сводить ее к постепенной наработке процедур обсуждения и согласования принятия решений между некоторыми социальными группами и правительством.

Это, как очевидно, другой, значительно отличающийся по смыслу и по духу процесс, нежели античная демократизация, и, как мы увидим далее, демократизация европейская. Он с гораздо большим основанием может быть назван *либеральной парламентаризацией*. Либеральный парламентаризм вдохновлялся логикой расширения политических прав на имущие и образованные слои населения, которая вела свое происхождение от времен государства Старого порядка. В нем права выторговывались у королей теми, кто предоставлял кредиты и платил налоги; это были первоначально собственно права влиять на обсуждение бюджета. Этой логике следовал либеральный парламентаризм на протяжении практически всего XIX в. Например, в Англии в результате избирательной реформы 1867 г. избирательные права получили около миллиона граждан, но почему? Потому что они были квартиросъемщиками и следовательно опосредованно через домовладельцев *вносили налог* в пользу бедных.

Не случайно позитивисты в этот период рассматривали процессы модернизации XVIII–XIX вв. как переход от военного общества к промышленному. В такой парадигме было резонно выступать за *постепенное* расширение политических прав для тех, кто был в первую очередь необходим для этого успешного перехода. Аргументировать политические права военным значением какого-либо социального слоя было крайне неуместно. Конт ненавидел Наполе-

она, равно как и его эпоху, считая последнюю досадным и катастрофическим рецидивом военно-аристократического общества.

Однако так ли уж отличался этос новых буржуазно-промышленных и финансовых элит от этоса уступавшей им место под солнцем аристократии? Так ли уж отличались представления аристократов от представлений буржуазии по вопросу: люди с какими достоинствами заслуживают права на власть?

Ключевая проблема демократии и либерализма, равно как и прочих политических режимов, имевших место в истории, заключается именно в характере ответа на этот вопрос. И ответ, как ни странно, не слишком различается по мере смены эпох. Политические режимы могут меняться достаточно существенно, однако представления о том, кто достоин власти, а кто нет, еще долго остаются прежними. Мы не сильно погрешим против истины, если отметим, что базовый список критериев, отличающих людей, достойных власти, остается практически неизменным со времен господства античной аристократии вплоть до наших дней.

Аристократический этос, лежащий в основе списка достоинств людей, заслуживающих власти, дает право на власть «лучшим»: богатым, сильным, благородного происхождения, образованным, имеющим досуг. Но эти же самые ценности входят и в либеральный, и в демократический список.

Либеральный этос отдает предпочтение богатству, воспитанию и образованию. Фактически именно он наследует большую часть критериев аристократического этоса после того, как аристократия сходит со сцены, утрачивает черты сословия, основывающего свои права и привилегии не на военной силе, а на происхождении, факте службы государству, воспитании и образовании. Привилегированные слои неаристократического происхождения, как известно, с большой охотой подражали аристократии почти во всем, начиная от вкусов и заканчивая заимствованием воззрений на жизнь истинных «джентльменов», отчасти даже перенимая элементы «рыцарского этоса». Как замечал Н. Элиас, «полученное от аристократии наследство имело большее или меньшее влияние в зависимости от того, какую роль в том или ином слое или народе сыграло «хорошее общество». А оно в той или иной степени распространялось на все более широкие слои, пока не охватило все народы Запада в целом — в особенности те из них, что быстро достигли централизации и рано превратились в колониальные державы» [9, с. 306].

Даже там, где не было аристократии, как в Америке, плантаторы Юга вели образ жизни, весьма сходный с аристократическим. Что, заметим, не мешало им быть либералами по убеждениям, как не мешало это осознавать себя либералами многочисленным представителям европейских имущих слоев, вне зависимости от того, могли они похвастаться древностью происхождения или нет. Более того, люди именно такого социального происхождения и взглядов и

заложили основы европейского и американского конституционализма, направленного на то, чтобы защитить свободу и права лучшей, наиболее достойной части общества, тех, кто платит налоги и обладает достаточной ответственностью, знаниями и навыками, чтобы заниматься государственными делами.

Понятно, что с точки зрения этого усеченного аристократического этоса демократия если и заботила апологетов либерального конституционализма, то лишь в негативном смысле, то есть в том, что они ни в коей мере не хотели. Либералы ввели институты парламентского представительства, но «только тенденциозно рассматривая прошлое, мы можем вообразить, что эти институты были введены некими решительными демократизаторами» [6, с. 229]. Действительно, в рамках классического либерализма стало возможным постепенное наделение новых социальных групп политическими правами – по мере того, как они «дорастут» до известных критериев человека достойного править, то есть станут достаточно имущими, образованными и ответственными.

Другой путь к демократизации заключался в признании некоторых достоинств не менее важными, чем уже имеющих значение для привилегированных классов. Признать право на участие во власти неимущих слоев, женщин и др., ранее обделенных, становится возможным только тогда, когда за ними признают обладание ресурсом, жизненно необходимым для существования государства. Это происходит в эпоху становления национального государства и особенно мировых войн, когда элиты начинают настоятельно нуждаться в массах как военной силе. Тогда и становится актуальной вторая, «силовая» и военная компонента аристократического этоса. В. Махнач отмечает такие достоинства аристократии: «Бесспорнейшим достоинством аристократии – здесь она ни с кем не сравнима – является умение повиноваться и отдавать приказы (вещи связанные, ибо человек, не умеющий исполнять приказы, никогда не научится их отдавать). Для аристократии это умение традиционно и воспитывается с младенчества. *Между прочим, в демократические системы чисто аристократические добродетели (в том числе и упомянутую) привносят воинская служба* (курсив – Л.Ф.).

Аристократия – *хранительница национальной* (курсив – Л.Ф.) и, шире, великой культуры, ибо никогда не совершает резкой смены собственной традиции. Собственной культуре может изменить монарх (далеко ходить не надо – Петр I), это может произойти с демократическими кругами, но этого никогда не случится с аристократией» [3].

С такой оценкой трудно не согласиться, но только с одним уточнением: аристократические добродетели привносятся военной службой вовсе не в демократические, а в либерально-парламентские режимы и таким образом невольно содействуют процессу их демо-

кратизации. Так или иначе к началу XX в. массы начинают воспитывать, как это ни парадоксально, отчасти в аристократическом духе, отчасти в духе древнегреческого демоса: прививать ценности патриотизма, самопожертвования, ответственности за отечество, гордости национальной культурой и т.д.

Обвальная процесс демократизации после первой мировой войны, как бы не проявлялась ее суть в плане политических режимов, был вызван признанием военного значения масс. На первый взгляд, правда, казалось, что демократия потерпела поражение, но в действительности потерпели крушение либерально-парламентские режимы. Логика либерального парламентаризма была сломана вторжением древней аристократическо-демократической логики: право на власть имеет тот, кто имеет военное значение. Шире – кто служит обществу хоть в армии, хоть на заводе, когда требуются усилия всей нации, чтобы одержать победу. Очень показательны, что «тоталитарная» демократизация (не надо забывать, что все «тоталитарные режимы» считали источником своей власти народ) с крушением олигархического либерального парламентаризма в идеологическом плане подкреплялась известным ренессансом аристократических ценностей, апелляцией к героическо-аристократическим мифам прошлого. Также мы можем сопоставить вполне языческую апелляцию европейских националистов к крови и культурному наследию предков с такой же апелляцией древних греков, которая впервые проявляется в аристократическом этосе, а затем наследуется демократией. И конечно, в этом процессе «тоталитарной демократизации» присутствовала упомянутая выше неэгалитарная составляющая, связанная с представлением об избранности и превосходстве демоса над какими-либо другими социальными или этническими группами. Слом либерального парламентаризма сопровождался пропагандой «аристократического» превосходства «демоса», осмыслявшегося как нация, раса или класс. В фашистских режимах делался упор на господство нации по спартанскому (или афинскому времен империалистической экспансии) типу. В советской пропаганде место коллективной аристократии занял пролетариат, чья диктатура являлась одновременно и новой формой демократии. В последнем случае показательны, что пролетариат, точно так же, как и античный демос, был отнюдь не большинством общества, а наиболее достойной власти его частью.

Тоталитарные режимы потерпели поражение в «горячей» или «холодной» войне, однако перед этим они окончательно доломали либеральный парламентаризм с его патрицианским пренебрежением к недостаточно имущим и образованным массам.

Показательно, что именно в период после второй мировой войны были окончательно сломаны остатки имущественных, образовательных и иных характерных для либерального парламентаризма

цензов – избирательное право скачком распространяется на всех совершеннолетних вначале мужчин, затем и женщин. От всеобщей воинской повинности после войны во многих странах отказались; однако ее оставили как бы в резерве как то, к чему можно вернуться в любой момент. Главное – было признано, что политические права даются в том числе и за плату кровью, и даже за ее потенциальную возможность. И, разумеется, никуда не исчезло патриотическое воспитание масс.

Таким образом, произошло преобразование либерально-парламентских режимов в демократии в их современном понимании. Демократический критерий достойного власти индивида основывается на его национальном происхождении и обладании военной ценностью. При этом, конечно же, критерии образования, воспитания и благосостояния никуда не исчезают. Более того, когда современные исследователи хотят выделить благоприятные условия для развития демократии, то они отмечают в первую очередь именно страны с «высоким уровнем жизни». Таким образом, мы можем заметить, что после мировых войн понимание достойного участия во власти человека в определенной степени вернулось к изначальной полноте «аристократического списка достоинств». Правда, похоже, что это возвращение стало эпизодом, который утомленные историей европейцы хотели бы поскорей забыть. Как европейская аристократия в свое время считала достаточными для обладания властью одно только богатство, происхождение и воспитание, так и подавляющее большинство граждан теперь считают, что их права даны им просто за то, что они есть (за происхождение и воспитание – обладание соответствующими культурой и образованием). Соответственно для «демократического большинства» снижается и ценность этих политических прав: оно готово поступиться скорее ими, чем комфортом и обеспеченностью [1, с. 155]. И как аристократия к концу эпохи своего господства предпочитала безмятежно жить на ренту, уступая тяготы государственного управления бюрократии, формально правящей в Европе «демос» поступает так же.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Мартьянов В.С.* Постмодерн – реванш «проклятой стороны Модерна» // Полис, 2005. № 2. С. 147-158.
2. *Махмудов Р.* Токийские беседы. Демократия и Аристократия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2009/11/13/639> (проверено 24.05.2010 г.).
3. *Махнач В.* Историко-культурное введение в политологию. Лекция 6. Аристократия и олигархия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kadet.ru/library/public/Machn/06.htm> (проверено 24.05.2010 г.).
4. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. М., 2008. 1263 с.

5. *Смит Р.М.* После Токвиля, Мюрдаля и Хартца // Теория и практика демократии. Избранные тексты. М., 2006. С. 414-424.
6. *Суриков И.Е.* Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин. М., 2009. 256 с.
7. *Тилли Ч.* Демократия. М., 2007. 264 с.
8. *Фукидид.* История. СПб., 1999. 590 с.
9. *Элиас Н.* О процессе цивилизации. М.; СПб., 2001. Т. I. 332 с.

RESUME

Leonid Gershevich Fishman, Doctor of Political Science, senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, fishman@yandex.ru

Aristocratic Qualities of Democracy

The article is devoted to the analysis of the criteria of virtues, which characterizes the one who deserves power in the epoch of ancient democracy and in the time after the World War II. The author argues that the post-war list is based on the list of aristocratic virtues formed in antiquity; the ancient original was reduced to liberal version in XIX and then restored in its initial form during the period of world wars.

Aristocracy, democracy, liberal parliamentarism, class ethos.

Материал поступил в редколлегию 25.06.2010 г.